

Е. А. СЕДЕЛЬНИКОВ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

(По поводу статьи Ф. Микуша «Обсуждение вопросов
структурализма и синтагматическая теория»*)

Обсуждение проблем лингвистического структурализма, развернувшееся на страницах журнала «Вопросы языкознания», представляет собою значительное событие в нашей языковедческой науке. Нет нужды говорить о своевременности этого обсуждения. К сожалению, очень долго структуральные методы исследования не находили должного освещения в нашей лингвистической литературе и не были предметом серьезной и всесторонней оценки. В этой связи представляется совершенно обоснованной высказанная М. И. Стеблиным-Каменским мысль о необходимости «отказаться от господствовавшей долгое время в нашем языкознании практики, которая заключалась в том, что это лингвистическое течение рассматривалось как философская система»¹. Такая практика приводила к полному отрицанию возможности использования структуральных методов исследования в советском языкознании. Создалось явно ненормальное положение, когда наша широкая лингвистическая общественность была в крайне недостаточной степени знакома с современным состоянием лингвистического структурализма за рубежом.

Совершенно очевидно, что методы исследования не должны отождествляться с методологией и что исследователи, применяющие в работе одинаковые методы, могут быть сторонниками противоположных философских воззрений. Такое положение можно наблюдать, например, в физической науке. Примером тому могут служить также идеалистические взгляды многих представителей структурализма на Западе, с одной стороны, и весьма доказательное объяснение отношений между элементами синтагмы, данное Ф. Микушем в названной статье,— с другой.

Синтагматическая теория, даже в самых общих чертах, как она изложена Ф. Микушем, не может не вызывать самого пристального внимания. Многие положения синтагматической теории представляются весьма плодотворными, и кажется, что целый ряд принципиально важных, но спорных моментов грамматической системы современного русского языка мог бы получить объяснение при помощи некоторых положений синтагматической теории. Сюда можно отнести, в частности, вопрос об односоставных и двусоставных предложениях. Но к сколько-нибудь определенным выводам сейчас прийти, конечно, нельзя. Для этого необходимо, во-первых, более глубокое и детальное ознакомление с общими и частными вопросами синтагматической теории, чем то, которое может дать опубликованная в «Вопросах языкознания» статья Ф. Микуша, носящая по суще-

* ВЯ, 1957, № 1.

¹ М. И. Стеблин-Каменский, Несколько замечаний о структурализме, ВЯ, 1957, № 1, стр. 35.

ству характер тезисов. Во-вторых, нужны соответствующие исследования, основанные на большом фактическом материале.

Не останавливаясь на всех, в высшей степени интересных, положительных статьи Ф. Микуша, хотелось бы высказать по поводу ее несколько замечаний. Согласно разделяемым Ф. Микушем взглядам, структурализм представляет собою направление в лингвистике, одной из задач которого является рассмотрение объекта своего исследования — структуры речи и лингвистического знака — как чего-то имманентного¹, как системы, подчиняющейся своему собственному порядку². Провозглашая вслед за Ф. де Соссюром «единственным и истинным объектом лингвистики... язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»³, представители структуральной лингвистики тем самым сосредоточивают внимание исследователя на изучении специфически языковых явлений. Плодотворность выделения внутренней лингвистики, изучающей собственно языковую систему, и лингвистики внешней, занимающейся тем, что в какой-то мере соприкасается с системой языка, но не входит в нее органическим элементом, несомненна. Несмотря на всю важность познания внешних лингвистических явлений, подмена и смешение этих различных объектов исследования, наблюдаемые в большей или меньшей степени у представителей других направлений в современном языкознании, не может не сказываться и на перспективах развития языкознания как науки о специфическом общественном явлении, и на успешном развитии дисциплин, относимых к внешней лингвистике.

Если представители различных структуралистических школ на Западе либо не знакомы с марксистско-ленинской философией, либо являются ее противниками, то Ф. Микуш, как это видно из его статьи, делает попытку применить структуральный метод исследования, исходя из методологии материалистической и диалектической. Именно тот факт, что Ф. Микушу удалось показать диалектическое единство двух функций, присущих каждому лингвистическому знаку, в том числе и синтагме (отождествляющая и различающая функции)⁴, оказывается наиболее существенной чертой, отличающей синтагматическую теорию от всех других направлений в структуральной лингвистике.

Вместе с тем провозглашение имманентности языка, рассматриваемого в самом себе и для себя, таит в себе определенную опасность, которой, как думается, не избегал и Ф. Микуш, разделяющий свойственный структурализму вообще взгляд на язык как на нечто абсолютное в своей имманентности.

Известно, что одно из основных положений материалистического языкознания — положение о диалектическом единстве языка и мышления⁵. Язык существует потому и для того, чтобы быть средством общения и средством формирования мысли, и эта его сущность не может быть не принята во внимание любой теорией, если она строится на основе марксистско-ленинской методологии. Диалектическое единство языка и мышления нельзя относить к области внешней лингвистики. Наоборот, им определяется специфика языка как элемента этого единства, как особого общественного явления, подлежащего изучению особой научной дисциплиной.

Не принимая этого во внимание, нельзя приблизиться к правильному пониманию природы языка, его функций, а следовательно, и его струк-

¹ См. Ф. Микуш, указ. соч., стр. 28.

² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод с франц., М., 1933, стр. 45.

³ Там же, стр. 207.

⁴ См. Ф. Микуш, указ. соч., стр. 130.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, М., 1955, стр. 29.

туры. Ф. де Соссюр и многие его последователи говорят о «механизме» языка как о единственном объекте лингвистического изучения. Но (используя это сравнение) можно ли разобраться в строении какого-либо механизма, если не исходить из знания, для чего служит этот механизм, какова функция его в целом, какова функция каждой детали этого механизма? Очевидно, что без такого знания наши представления о данном механизме не могут быть истинными.

Между тем все существующие структуралистические направления, включая и синтагматическую теорию, как это видно из статьи Ф. Микуша, рассматривают язык безотносительно к основной его функции — быть средством общения и средством формирования мысли. Они исследуют лишь взаимные отношения лингвистических знаков и не учитывают того, что каждый из этих знаков — лингвистических единиц — нужно рассматривать не только с точки зрения их взаимных отношений, но и одновременно с точки зрения той функции, которую данная лингвистическая единица выполняет как элемент диалектического единства языка и мышления.

В этой связи нельзя считать случайностью, что наиболее существенных успехов применение структуральных методов исследования позволило достичь в фонологии — таком разделе науки о языке, который оперирует лингвистическими единицами, непосредственно не соотносящимися с единицами мышления (хотя, безусловно, и они не могут быть вне такого соотношения, более опосредованного и сложного). Не случайно и то, что все попытки применения структуральных методов исследования за пределами фонологии не привели до сих пор к сколько-нибудь существенным положительным результатам.

В приложении непосредственно к синтагматической теории сказанное выше приводит к следующим соображениям. Двусторонняя сущность лингвистического знака является необходимым и неотъемлемым, внутренне присущим ему свойством. Языковой знак создается и определяется его функциями средства общения и средства формирования мыслей. Рассматривать язык в самом себе и для себя возможно только в том случае, если учитывать эти основные функции как в отношении отдельной лингвистической единицы, так и системы единиц в целом.

Таким путем устанавливается функциональное соотношение между языком и мышлением. Это функциональное соотношение представляется не менее важным, чем все остальные функциональные соотношения, на которые указывает Ф. Микуш¹, в том числе и функциональное соотношение между языком и речью. Поэтому синтагма, будучи знаком речи, должна рассматриваться (как, впрочем, и любой знак языка) не только как «диалектическое единство двух частей, выполняющих по отношению друг к другу две взаимозависимые, взаимосвязанные и взаимоопределяемые функции»² — это глубоко правильно! — но и как единый знак, выполняющий определенную функцию в общении между людьми и в формировании мысли. Если не учитывать эту функцию синтагмы, то нельзя объяснить несомненный факт существования разных типов синтагм, причем типов, качественно отличающихся друг от друга. Семнологическая функция, функция отождествления и различения значимостей, является общей для всех лингвистических единиц. Она их объединяет, формирует их единство.

Семнологической функцией, как убедительно показывает Ф. Микуш, обладают не только синтагмы. Любая фонема также представляет собою

¹ См. Ф. Микуш, указ. соч., стр. 28—30.

² Там же, стр. 29.

«отождествляюще-различающую „ценность”». Но отличие синтагмы от такого лингвистического знака, как фонема, заключается не в одном том, что функции отождествления и различения распределяются между ее частями. Это является результатом наличия соотношения между каждой синтагмой и какой-либо формой мышления (суждением или понятием) и отсутствием такого непосредственного соотношения между формами мышления и фонемой.

С точки зрения семиологических функций следующие синтагмы отличаются друг от друга. *Он* (функция отождествления) *студент* (функция различения); *дом* (функция отождествления) *отца* (функция различения). Ф. Микуш и не пытается устанавливать факт различия между синтагмами такого типа. Для него вполне достаточно того, что обе синтагмы строятся по принципу прогрессивной последовательности и что они, следовательно, как лингвистические знаки однотипны.

Однако мне кажется, что факт несомненного различия, имеющегося между двумя этими синтагмами, ясен каждому непредубежденному человеку, и вряд ли его можно объяснить влиянием какой-либо грамматической системы, характеризующейся примитивным эмпиризмом.

Синтагма *он студент* служит единицей общения; синтагма *дом отца* — единицей, называющей отношения, в которые становятся между собою предметы и явления реальной действительности (она может стать единицей общения лишь при известных условиях). Синтагма *он студент* находится в соотношении с суждением; синтагма *дом отца* — в соотношении с понятием, хотя сложным и расчлененным, но единым. Различия между этими синтагмами определяются их функциональной соотносительностью с единицами мышления.

Таким образом, если семиологическая функция объединяет лингвистические знаки, определяет границы того объекта, который подлежит изучению лингвистики как самостоятельной научной дисциплины, т. е. внутренней лингвистики, то функция соотношения лингвистических знаков с единицами мышления (ее можно было бы назвать когитационно-коммуникативной) определяет различия между типами лингвистических знаков как между единицами языка.

Различение типов лингвистических знаков (в том числе и типов синтагм) представляется мне необходимым и неизбежным, отражающим реальное положение вещей. В конечном счете, человек, совершенно не знакомый с грамматическими учениями, и даже неграмотный, в своей речевой практике отличает слово от предложения и словосочетания «тем же в сущности способом, каким он узнает в том или другом животном корову или кошку»¹.

Отсутствие внимания к такому различению, невнимание к живым грамматическим категориям, несомненно, таит в себе опасность догматизма, опасность превращения любой теории в схему, оторванную от реального объекта изучения, ведет к упрощенному пониманию такого сложного общественного явления, как язык.

¹ O. Jespersen, The philosophy of grammar, London—New York, 1929, стр. 62.